

РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 398.1

Л. А. Казакова

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА ПСКОВГУ)¹

В статье представлены результаты анализа общего состава топонимических преданий, записанных в период с 1977 по 2011 гг. в ходе фольклорных экспедиций филологического факультета Псковского государственного университета и сосредоточенных в фондах фольклорного архива университета. Выявление признаков, положенных в основу наименования географических объектов, позволило выявить 10 групп топонимических преданий.

Ключевые слова: предание, топонимическое предание, мотив, фольклорный текст, топоним.

L. A. Kazakova

TOPONYMIC LEGENDS OF THE PSKOV REGION (BASED ON THE PSKOV STATE UNIVERSITY FOLKLORE ARCHIVE)

The article represents an analysis of the overall content of toponymic legends recorded in 1977–2011 during folklore expeditions of the Philology Department of the Pskov State University, and concentrated in the collections of the folklore archives of the University. The exposure of characteristics, on the basis of which the names of geographical objects were formed, made it possible to reveal 10 groups of toponymic legends.

Key words: legend, toponymic legend, folklyrics, toponym.

Потребность в сохранении собственной истории, в передаче ее потомкам реализуется в человеческом обществе разными путями, в том числе через устное слово. Среди произведе-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Русская народная историческая проза Псковской области»), проект № 12–14–60000

ний устной народной словесности, в которых хранится память о событиях, происходивших в той или иной местности, но сопряженных истории всего народа, особое положение занимают предания. В эпоху, когда устное слово было единственным средством передачи знаний, предания составляли «устную летопись» народа. В качестве важнейших источников информации они расценивались первыми русскими летописцами, свидетельством чего является текст «Повести временных лет» (Лихачев, 1953, с. 155–167).

Современная наука определяет предание как «широко известный в народе устный эпический рассказ с установкой на правдоподобное объяснение реальных фактов прошлой истории, быта, названий отдельных местностей» (Аникин, 1972, с. 7). Своей исторической основой, этнографическими и географическими реалиями предания «связаны с социально-общественной жизнью и историей определенной, локально и социально ограниченной общности (род, соседская община, деревня, город, профессиональное объединение), представленной на той или иной стадии общественного развития» (Предания Русского Севера, 1991). События преданий разворачиваются без участия сверхъестественных сил. Последнее замечание необходимо в свете того, что этот жанр, имеющий общие с другими эпическими жанрами истоки и развивающийся в общем фольклорном процессе, «нередко стыкуется с мифом, сказкой, анекдотом, быличкой, легендой, бытовым (этнографическим) рассказом и время от времени включает в свою структуру те или иные элементы смежных жанров» (Предания Русского Севера, 1991), причём особенно сложно бывает развести предание и легенду. Данное обстоятельство приводит некоторых учёных к мысли о невозможности считать предания единым жанром, поскольку у них отсутствуют «ярко выраженные жанровые признаки» (Соколова, 1970, с. 5, 7, 248).

Сложность явления обуславливает трудности, возникающие при попытках его классификации. В отечественной науке было предпринято несколько таких попыток, наиболее удачной из которых следует признать классификацию, осуществленную на материале преданий Русского Севера петрозаводской исследовательницей Н. А. Криничной (Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий, 1991, с. 278–294). В то время как другие ученые делят предания преимущественно по тематическому принципу, Н. А. Криничная выявляет особенности их художественной структуры. Исходя из представления о том, что определяющей структурной единицей предания является мотив², исследователь осуществляет «формализацию мотивов» (Предания Русского Севера, 1991, с. 278), в результате чего выявляет 21 тип преданий, каждый из которых формируется совокупностью устойчивых мотивов и лабильных элементов. Именно концепцию Н. А. Криничной мы принимаем в качестве основы для систематизации псковских преданий в целом и топонимических в частности.

Топонимические предания считают отдельной разновидностью жанра большинство ученых, однако их суждения о границах этого явления неоднозначны. Если В. П. Аникин определяет их как «предания об основании разных городов, о происхождении их названий, названий урочищ, гор, рек, озер», то, по мнению Е. А. Костюхина, «они объясняют происхождение и название городов, деревень, озер, курганов»; для А. И. Лазарева же и Н. А. Криничной, чей подход представляется нам наилучшим, так как позволяет исследовать данный тип преданий в чистом виде, «топонимические предания рассказывают об истории происхождения различных географических названий: рек, озер, гор, сопок, скал, камней, урочищ, деревень, сел, городов, заводов, отдельных строений» (Аникин, 1972, с. 7; Костюхин, 2004, с. 159; Лазарев, 1970, с. 71).

Топонимические предания представляют собой высокоинформативную систему, в которой аккумулирована история края и культура его народа, а их изучение позволяет приобщиться к непреходящим историко-культурным ценностям. Однако опыт изучения преданий

² Мотив характеризуется как «сложное структурное единство, в котором определяющая роль принадлежит действию или состоянию, а определяемыми являются субъект, объект, обстоятельства действия или состояния, оказывающие в большей или меньшей степени влияние на основополагающий элемент – предикат» (Криничная, 1987, с. 19).

очень невелик: фольклористы обычно недооценивают их как самостоятельные произведения народного творчества. Помимо обобщающей книги В. К. Соколовой «Русские исторические предания» (М., 1970) нам известны лишь два монографических исследования по данной проблеме, написанных на материале Уральского и Северо-Русского регионов (это труды А. И. Лазарева и Н. А. Криничной). Что же касается топонимической группы, то в дополнение к посвященным им разделам упомянутых работ можно назвать лишь очень небольшой круг статей, в которых дается характеристика региональных материалов (Ярневский, 1969; Гордеева, 1985; Орлова, 2004, с. 109–126). Псковские предания еще не становились предметом специального изучения.

Материалом настоящей работы являются топонимические предания, записанные в период с 1977 по 2011 гг. в ходе фольклорных экспедиций филологического факультета Псковского государственного университета. Топонимический мотив встречается почти в половине общего состава преданий, записанных в указанные годы, что свидетельствует о неподдельном интересе, который жители Псковщины проявляли в отношении возможности истолкования топонимов, репрезентирующих физическое пространство окружающего их мира, как бережно они относились к истории и культуре своей малой родины.

В процессе систематизации текстов мы использовали классификационную схему Н. А. Криничной, которая на основе анализа преданий Русского Севера установила, что предания о происхождении топонима формируются совокупностью десяти мотивов. Все эти мотивы являются в качестве текстообразующих и на псковском материале.

Самую обширную группу псковских преданий о происхождении топонима (113 текстов) составляют рассказы, в которых *географическое название объясняется особенностями местности*. В них аккумулированы наблюдения человека над природой, подмечены уникальные черты родной земли, своеобразие её ландшафта, растительного и животного мира, выражено поэтическое её восприятие.

Большая часть преданий этой группы – рассказы, связывающие появление топонима с физико-географическими свойствами места. Деревни нередко получают названия по имени близлежащего водоема (дд. Глубокое, Ливица, Залахтовье и др.) или, напротив, гидроним – по имени ближайшего селения (р. Лазавица); микротопонимы иногда возникают на основе внешнего сходства с живым явлением природы (предание о Конь-камне³), но чаще всего основой для появления топонима становится форма рельефа местности. Так, д. Гривы получила свое название от слова «грива», обозначающего значительную по протяженности возвышенность. По преданию, эта возвышенность представляет собой искусственную насыпь, созданную «во время какой-то давней войны, возможно, даже с Наполеоном», солдатами, каждый из которых принес по каске земли⁴ (топонимический мотив соединяется здесь с мотивировкой происхождения особенностей ландшафта). Д. Гаёво получила такое название, так как была основана тремя братьями-староверами на месте, где прежде был «гаёк» (небольшой участок, поросший лесом)⁵ (в этом случае предание о происхождении топонима осложнено традиционным мотивом основания селения тремя братьями); название острова Всевидимка объясняется тем, что это место хорошо просматривается со всех сторон: согласно преданию, сидевшая на берегу острова в ожидании возлюбленного красавица полячка была поражена стрелой, что и послужило основой для возникновения топонима⁶.

Менее частотны предания этой группы, в которых название географического объекта связывается с особенностями местной флоры (так, согласно рассказу местного жителя, на-

³ Зап. от О. И. Осиповой, 1925 г.р. и М. А. Федотовой, 1920 г.р., в д. Сальницы (Велейской вол.) П. – Г. р-на – ФА ПсковГУ за 1997 г., т. 5, л. 26 об. – 28.

⁴ Зап. от Г. А. Федоровой, 1954 г.р., в д. Козлово (Синеречской вол.) Остр. р-на – ФА ПсковГУ за 2003 г., т. 3, л. 259–260.

⁵ Зап. от Н. О. Онуфриевой, 1926 г.р., в д. Гаёво (Алольской вол.) Пуст. р-на – ФА ПсковГУ за 2005 г., т. 2, № 6.

⁶ Зап. от З. Н. Крючковой, 1921 г.р., в пос. Красный Луч Беж. р-на – ФА ПсковГУ за 2005 г., т. 2, л. 47 об. – 49.

звание д. Березино дала огромная береза, стоявшая на месте деревни 400 лет назад⁷), либо фауны (таково, например, предание о происхождении названия д. Лосицы, где топонимический мотив соединяется с мотивом выбора места для основания культового объекта⁸).

Вторую по численности группу преданий о происхождении топонима составляют тексты, в которых *топонимический мотив основывается на случайном признаке*, не имеющем под собой реальной основы (85 текстов). Почва для народной этимологии географических названий возникает тогда, когда подлинная причина появления топонима оказывается забытой. В этом случае пытливый ум, нацеленный на объяснение реальных фактов, обращается к вымыслу, который, как правило, не соотнобразуется ни с историческими, ни с географическими, ни с лингвистическими закономерностями. Однако предания этой группы расцениваются и рассказчиком, и слушателями как правдоподобие, чему способствует целый ряд факторов. Прежде всего, рассказчик «утверждает или отрицает что-либо без колебаний. Достоверность сообщения не подвержена сомнениям, т.к. поддерживается твердостью традиционной передачи самого предания»: «каким бы маловероятным оно ни было», достаточно факта его «распространения в народе. Этому свойству сопутствует «безличность» предания в стиле: в повествовании оно предпочитает форму третьего лица и чуждается чисто личных форм рассказывания» (Аникин, 1972, с. 11). Кроме того, такие предания бывают не лишены внешних признаков достоверности, например, если они содержат указание на историческое лицо, которое действительно бывало в данной местности. Так, согласно преданию, топоним Порхов возник вследствие того, что во времена Александра Невского в крепости, основанной на этом месте по приказанию князя, хранили порох⁹. Крепость действительно была основана Александром Невским, однако ученые связывают происхождение этого топонима либо со словом «порхлый» – «рыхлый, крошащийся, ломкий» как указанием на имеющиеся в данной местности залежи известняка, обладающего данными свойствами, либо с неканоническим древним именем Порх (Фасмер, 1986, с. 337; Мельников, 1984, с. 147).

Анализ общего состава преданий данной группы показывает, что в основу народной этимологии могут быть положены ассоциации разных рядов, причем иногда это становится причиной появления многовариантности толкования топонима. В качестве примера приведем предание о деревне Попадинка Порховского р-на, в котором сюжетобразующим является топонимический мотив, основанный на народной этимологии, представленной двумя версиями. Первая была записана в 1996 г. в Березовской вол. Порховского р-на: «Есть у нас деревня Попадинка, а называется она так, потому что во время Гражданской войны была там церковь и поп с попадьей. Ставка белых была в той деревне и разработали они план нападения на красный Порхов. Попадья побежала и предупредила большевиков. Разгромили они белых. С тех пор и называется деревня Попадинкой»¹⁰. Соотнесение топонима с событиями времен Гражданской войны противоречит фактам: названная деревня упоминается в новгородских писцовых книгах Шелонской пятины под 1539 годом, где она, правда, носит имя Попадья Ручей (Мельников, 1984, с. 143). Соответственно, не может быть признана реалистичной и версия предания, записанная в 2006 г. от одного из жителей самой Попадинки: согласно ей, деревня получила свое название от имени жившего в ней попа Динки¹¹. Несколько версий топонимического предания, полностью или частично основанных на народной этимологии,

⁷ Зап. от Татьяны Петровны (фамилия не указана), 1957 г.р., в д. Березино (Новоуситовской вол.) Палк. р-на – ФА ПсковГУ за 2008 г., т. 1, № 1.

⁸ Зап. от Л. И. Федоровой, 1955 г.р., в д. Новоселье (Лосицкой вол.) Плюс. р-на – ФА ПсковГУ за 2007 г., т. 1/1082, л. 43 – 43 об. Согласно преданию, лоси, которых было множество в этих краях, обходили стороной одно место; заметив это, жители селения определили его для строительства церкви.

⁹ Зап. от А. Д. Барановой, 1935 г.р., А. П. Ивановой, 1933 г.р., в д. Береза, от К. Г. Ивановой, 1931 г.р., в д. Морицко (Березовской вол.) Порх. р-на – ФА ПсковГУ за 1996 г., т. 1, л. 19.

¹⁰ Зап. от А. Д. Барановой, 1935 г.р., А. П. Ивановой, 1933 г.р., в д. Береза, от К. Г. Ивановой, 1931 г.р., в д. Морицко (Березовской вол.) Порх. р-на – ФА ПсковГУ за 1996 г., т. 1, л. 19.

¹¹ Зап. от Н. М. Федорова, 1961 г.р., в д. Попадинка (Красноармейской вол.) Порх. р-на – ФА ПсковГУ за 2006 г., т. 5/1162, л. 51.

участникам экспедиций случалось записать и от одного информанта (напр., предания о названиях дд. Усадище, Хлипицы¹²).

Наиболее часто народная этимология связывает происхождение топонима с каким-либо фактом в истории края: город, отстроенный после войны вдовами, получает название Вдов; каменная туча, прошедшая над деревней и оставившая после себя камни, выросшие со временем до крупных валунов, дала название д. Гора-Каменка¹³.

Несколько реже рассказчики ассоциируют звучание топонима с какими-либо природными особенностями местности (так возникло, например, предание о происхождении названия д. Скоково, которая при разливе р. Великой «оказывалась на острове», вследствие чего владевший ею барон Берхман «всегда держал лодки, чтобы смог переправиться (перескочить) в свою усадьбу»¹⁴).

Иногда признаками, положенными в основу сближения, становятся характеристика жителей села (в д. Гвозды «были крепкие мужики, хоть забивай куда хорошенько»¹⁵), имя (прозвище) исторического лица (д. Давыжья Гора названа именем царя Давыда: «в старину, говорят, он так в эту гору в кареты и въехал»¹⁶) либо местного жителя (д. Малая Яровня обязана своим местным названием – Шатуны – жившему в ней пьянице¹⁷), род занятий жителей (в д. Славковичи жили «славные ковачи, подковы ковали»¹⁸). В единичных случаях основой для возникновения вымысла становится попытка истолковать незнакомое слово, которое квалифицируется как иноязычное (Пыталово, Ашево, Алоль).

В преданиях этой группы доминирующей оказывается не информационная, а эстетическая функция текста. Цель рассказчика состоит не столько в том, чтобы дать верное истолкование, сколько в том, чтобы обыграть случайное созвучие. Как пишет А. И. Лазарев, такое «предание является как бы расшифровкой народной шарады и возникает, таким образом, по чисто художественным соображениям» (Лазарев, 1970, с. 75–76).

Третью по численности группу псковских топонимических преданий (54 текста) составляют рассказы, в которых **топоним возводится к фамилии, имени или прозвищу перво-поселенца/раннего жителя** (предание о Татьянином камне, у которого встретились перед побегом из дома возлюбленные, не получившие от родителей благословения на брак; о происхождении названия д. Щучья Гора от имени действовавшего в этих местах разбойника по кличке Щука¹⁹ и др.) **или владельца местности** (предания о названиях Липатовой губы, дд. Матюшкино, Воронцово и др.).

Четвертая группа (42 текста) – предания, **связывающие происхождение топонима с историческими событиями**. В топонимических преданиях жителей Псковщины нашли от-

¹² Зап. от Л. М. Яковлевой, 1929 г.р., в д. Усадище (Спицинской вол.) Гд. р-на – ФА ПсковГУ за 2004 г., т. 2, л. 103 об. – 104; зап. от Л. А. Фроловой, 1922 г.р., в д. Хлипицы (Луковищенской вол.) Порх. р-на – ФА ПсковГУ за 1999 г., т. 2, л. 7–8.

¹³ Зап. от А. Ф. Матвеевой, 1916 г.р., в д. Низовицы (Ремдовской вол.) Гд. р-на – ФА ПсковГУ за 1997 г., т. 1, л. 43 об. – 44; зап. от А. Ф. Михайловой, 1904 г.р., в д. Гора-Каменка (Большезагорского с/с) Пск. р-на – ФА ПсковГУ за 1992 г., т. 2/1234, № 25 б.

¹⁴ Зап. от О. А. Яковлевой, 1959 г.р., в д. Крюки (Бережанской вол.) Остр. р-на – ФА ПсковГУ за 2004 г., т. 1, л. 55 – 56.

¹⁵ Зап. от В. Н. Фроловича, 1922 г.р., в д. Гвозды (Идрицкой вол.) Себ. р-на – ФА ПсковГУ за 2011 г., т. 5, № 5.

¹⁶ Зап. от Е. В. Алексеевой, 1920 г.р., в д. Давыжья Гора (Москвинского с/с) Пск. р-на – ФА ПсковГУ за 1992 г., т. 7, № 43.

¹⁷ Зап. от М. П. Васильевой, 1918 г.р., в д. Большая Яровня (Логовинского с/с) Порх. р-на – ФА ПсковГУ за 1991 г., т. 1, № 73.

¹⁸ Зап. от Н. В. Кузьминой, 1960 г.р., в д. Подсевы (Славковской вол.) Порх. р-на – ФА ПсковГУ за 2006 г., т. 8/1167, л. 42 об. – 43.

¹⁹ Зап. от В. И. Голосова, 1923 г.р., в д. Зенькино (Навержской вол.) Дед. р-на – ФА ПсковГУ за 2001 г., т. 6а, л. 31 об. – 32 об.; зап. от У. М. Васильевой, 1927 г.р., в д. Щучья Гора (Большезагорского с/с) Пск. р-на – ФА ПсковГУ за 1992 г., т. 2/1234, № 70.

ражение и многочисленные факты нападений на наши земли литовских войск («Литовские ворота» у Выбут, д. Сопки в Куньинском р-не), и длительный период, когда территория Себежа была частью владений Польско-Литовского государства (название местности Непротивщина), и события Отечественной войны 1812 года (д. Бородино Опочецкого р-на), и эпоха помещичьего землевладения (д. Новоселье Плюского р-на, образовавшаяся, по преданию, на месте, куда помещик изгонял на выживание крестьян за плохую работу²⁰), и эпизоды русско-японской и Гражданской войны («Япония» – местное название д. Кузнецово Псковского р-на; предание о переименовании Белых Струг в Красные Струги). К данной группе мы относим и отдельные предания о разбойниках, в сюжетосложении которых топонимический мотив нередко играет важную роль. Это и предание об Острове Любви – месте жительства атамана Дашкова (Гдовский р-н), и записанное в том же районе от нескольких информантов предание о Каретном озере, в которое разбойники во главе с атаманом Явдохом, якобы, спустили барина/барыню с каретой²¹. Предание о Каретном озере, включающее в себя разные мотивационные версии, свидетельствует о движении по пути забвения подлинного события-прецедента: в 2006 г. была записана версия того же предания, по которой карета с купцом и драгоценностями ушла на дно озера по неосторожности ямщика²².

В преданиях этой группы топонимический мотив соединяется с мотивами нападения антагониста, борьбы с ним и последующей победы, оставления следов пребывания в конкретной местности, захоронения клада и рядом других.

На фоне больших и малых исторических событий вырисовываются монументальные фигуры государственных деятелей Древней Руси и других исторических лиц, вследствие чего в составе топонимических преданий традиционно выделяют тексты, в которых происхождение топонима *связано с историческим лицом*. В фондах фольклорного архива ПсковГУ выявлено 29 таких текстов. Большая их часть – предания, связывающие возникновение топонима с именем княгини Ольги, что обусловлено не столько частотностью их бытования, сколько тем фактом, что в 2008 г. в «Ольгинских местах» целенаправленно работала фольклорная экспедиция (до этого, в 1990 г., несколько текстов было записано в той же местности Г. И. Плещук и В. Остраускайте). В этих преданиях получают обоснование такие топонимы, как Ольгин камень, Ольгин колодец/ключ/источник, Ольгины ворота, Ольгины слуды, Ольгин берег, а также названия дд. Ольгино Поле, Волженец, Ерусалимка. В Себежском районе в 2011 г. от нескольких информантов было записано предание о Витовт-ключе с целебной водой, образовавшемся от удара меча литовского князя²³. Четыре предания, записанные в Усвятском, Себежском и Бежаницком р-нах, связывают возникновение топонимов с именем Екатерины II, продолжая общерусскую традицию, согласно которой наименование географическому объекту дает вождь, князь или царь: Екатерина II дала названия д. Будница (императрица заблудилась в соседнем лесу) и д. Ашево, где она меняла лошадей (по словам информанта, «Ашево» в переводе с французского обозначает «конюшня»)²⁴. Соотнесение топонима Ашево с именем Екатерины противоречит фактам: первое упоминание топонима Ошев (нынешнее Ашево) приходится на 1180–1200 гг. – оно

²⁰ Зап. от Л. И. Федоровой, 1955 г.р., в д. Новоселье (Лосицкой вол.) Плюс. р-на – ФА ПсковГУ за 2007 г., т. 1/1082, л. 41 об. – 42 об.

²¹ Зап. от З. Н. Моисеевой, 1928 г.р., в д. Глушь (Полновского с/с) Гдовск. р-на – ФА ПсковГУ за 1991 г., т. 3, № 46, 55, 54, 47; зап. от М. И. Вересова, 1922 г.р., в д. Ямм (Полновской вол.) Гд. р-на – ФА ПсковГУ за 2004 г., т. 2, л. 118–119 об.

²² Зап. от Г. П. Платонова, 1956 г.р., в д. Сельцо (Середкинской вол.) Пск. р-на – ФА ПсковГУ за 2006 г., т. 1, л. 46.

²³ Зап. от Н. Г. Сухоплетова, 1941 г.р., в д. Дорбыши (Максютинской вол.) Себ. р-на – ФА ПсковГУ за 2011 г., т. 5, № 31.

²⁴ Зап. от А. А. Морозовой, 1961 г.р., в д. Борновалово (Усвятского с/с) Усв. р-на – ФА ПсковГУ за 1977 г., т. 6, № 72.

приводится в новгородской берестяной грамоте²⁵. Соответствует действительности лишь локализация этого персонажа в данной местности: в 1784 и 1787 гг. императрица действительно проезжала через Бежаницы, где останавливалась на ночлег²⁶.

Любопытный пример народной этимологии дает предание о возникновении топонима Себеж, связывающее его с деятельностью Петра I: «Петр I строил город среди холмов, лесов. Люди возмутились, говорят: «Зачем ты здесь строишь?» А он говорит: «Себе́ ж строим!» Отсюда название – Се́беж»²⁷. Факт первого упоминания Себежа в летописи, приуроченного к 1414 г., не дает возможности признать такое толкование верным, однако известно, что Петр I действительно был в Себеже: в 1705 г. он лично руководил здесь строительством укреплений, готовясь к сражению с армией шведского короля Карла XII. Данный пример демонстрирует, что вымысел в предании часто базируется на реалистической основе, благодаря которой историческая личность весьма узнаваема, а рассказ воспринимается как достоверный. Исторической основой предания о заблудившейся в псковском лесу императрице стал тот факт, что Екатерина много ездила по России, и не раз её маршрут проходил по территории Псковской губернии; что же касается предания о Петре I, то содержащиеся в нем сведения опираются на знания слушателей о многогранной деятельности царя-реформатора; возможно, в этом предании нашёл своеобразное преломление факт строительства Санкт-Петербурга – города, возникшего в непригодном, как казалось, для жительства месте. Заметим также, что народная этимология топонима Себеж не противоречит лингвистическим закономерностям: в Толковом словаре В. И. Даля приводится слово «себежник» – «земля отдельная, не общая, лично чья-либо»²⁸.

Следующая группа преданий (24 текста) объясняет происхождение топонима в связи с *родом занятий коренных жителей или новоприходцев*. Целый ряд текстов этой группы повествует о разбойниках. В них буквально рассыпаны реалии, из совокупности которых выясняется локализация действий разбойников: Разбойницка гора в Пыталовском районе, Воровская гора и д. Пристань в Псковском, Воров ключ и Ворова Лужина в Пустошкинском, д. Цапелка в Струго-Красненском.

Кроме того, в преданиях этой группы получает отображение разнообразная хозяйственная деятельность жителей края: кузнечное дело (дд. Кузнецы, Ковали, Гвозды), извозный промысел (дд. Ямок, Усадище), рыбная ловля (дд. Рыбно, Добычи), пастушество (д. Конюховка), гончарное дело (д. Горшки), изготовление шуб (д. Шубино), сплав леса (д. Пристань). Целый мир народных ремесел и промыслов открывается через предания о происхождении топонимов.

Немногочисленна по составу группа преданий (11 ед.), в которых происхождение топонима обусловлено *наименованием объекта культового назначения*, причем их число примерно поровну делится между языческими и христианскими культовыми объектами: дд. Богородицкое, Костелище, Жаборы, Никольский край, с одной стороны, и Камень-след, Крестовый камень, Святой камень, с другой.

Восемь текстов преданий с топонимическим мотивом содержит *указание на социальную или половозрастную принадлежность раннего поселенца либо владельца местности*. С проживанием в том или ином селе помещиков рассказчики связывают появление топонимов Бояриново, Гребло барское, Горный барин, Князёво, Князьи Горки. Возрастная принадлежность лица стала мотивировкой происхождения топонима Дедков камень в предании, записанном от нескольких информантов в Красногородском районе экспедицией 2007 года.

Шесть записей связывают происхождение топонима с *этнической принадлежностью первопоселенца* (дд. Латышово, Хохлы) *либо внешних врагов, приходивших в данную местность* (Панская канава, д. Паничьи Горки).

²⁵ <http://wiki.regionavt.ru/moin/NW/60/Бежаницкий/Ашево>; <http://gramoty.ru/in-dex.php?no=788&act=full&key=bb>

²⁶ http://www.bezhanitsy.narod.ru/articles/19/ekaterina_2.htm

²⁷ Зап. от Е. С. Надушевич, 1898 г.р., в д. Деришино (Трехалевского с/с) Нев. р-на – ФА ПсковГУ за 1987 г., т. 2, № 13 а.

²⁸ <http://vidahl.agava.ru/P205.HTM#37088>

И, наконец, лишь одно предание представляет выделенную Н. А. Криничной на северном материале группу, в которой топоним содержит *указание на бывшее место жительства первопоселенца* (д. Декшари называется так потому, что первым в ней поселился выходец из латвийской деревни Декшары²⁹).

Итак, псковские топонимические предания фиксируют различные стороны жизни народа. Они заключают в себе характеристику особенностей места, где живет человек, содержат сведения об отдельных фактах истории и культуры края, о формах ведения хозяйства, об этническом и социальном составе населения. Информационная насыщенность преданий обусловлена исторически: основной функцией произведений этого жанра было сохранение и передача потомкам знаний о прошлом.

Литература

1. Аникин В. П., 1972. Художественное творчество в жанрах сказочной прозы // Русский фольклор. Вып. XIII: Русская народная проза. М. Л. : Изд-во АН СССР. С. 6–19.
2. Гордеева О. В., 1985. Народная топонимика и жанры сказочной прозы (по материалам экспедиций 1985 г. в Сивинский район Пермской области) // Итоги фольклорного года в Уральском регионе: тезисы докладов и сообщений мужвузовской конференции. Свердловск. С. 11–12.
3. Костюхин Е. А., 2004. Лекции по русскому фольклору. М. : Дрофа.
4. Криничная Н. А., 1987. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л. : Наука.
5. Лазарев А. И., 1970. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск: Юж. – Урал. кн. изд-во.
6. Лихачев Д. С., 1953. Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства (X–XI вв.) // Русское народное поэтическое творчество. Т. I. М. – Л. : Изд-во АН СССР. С. 141–216.
7. Мельников С. Е., 1984. О чем говорят географические названия: Историко-лингвистические и краеведческие заметки. Л. : Лениздат.
8. Орлова Е. А., 2004. Топонимические предания как жанр устной народной сказочной прозы // Топонимические предания Воронежской области. Вып. 2. Воронеж: Воронежский государственный университет. С. 109–120.
9. Предания Русского Севера, 1991 / Сост. Н. А. Криничной. СПб. : Наука // <http://epr.iphil.ru/store/book145>.
10. Соколова В. К., 1970. Русские исторические предания. М. : Наука.
11. Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий, 1991 // Предания Русского Севера / Сост. Н.А.Криничной. СПб. : Наука // <http://epr.iphil.ru/store/book145>.
12. Фасмер М., 1986. Этимологический словарь русского языка. Том III. М. : Прогресс.
13. Ярневский И. З., 1969. Изобразительные средства топонимических преданий, записанных в Сибири // Проблемы стиля, метода и направления в изучении и преподавании художественной литературы. М. : МГПИ. С. 49–50.

---

²⁹ Зап. от А. Н. Алексеевой, 1927 г.р., в д. Декшари (Новоуситовской вол.) Палк. р-на – ФА ПсковГУ за 2008 г., т. 2, № 250.